

Т. Н. Гордеева

Политическая активность в муниципальных образованиях как фактор локальной идентичности

T. N. Gordeeva

Political Activity as a Factor of Local Identity in the Municipalities

Рассматриваются процесс локальной идентификации в муниципальных образованиях как необходимое условие функционирования института местного самоуправления, локальная идентичность как самоидентификация с местом жительства, политическая активность как фактор, определяющий локальную идентичность, на материалах муниципальных образований Забайкальского края.

Ключевые слова: локальная идентичность, политическая активность, муниципальное управление, муниципальные образования

Специфика муниципальных образований как социально-территориальных общностей заключается в том, что их важнейшей задачей является обеспечение своей жизнеспособности. Достижение этой цели осуществляется путем реализации функций муниципального управления и местного самоуправления, через которые на уровне муниципальных образований реализуются властные отношения.

В соответствии с законодательством местное самоуправление осуществляется посредством участия в местных референдумах, муниципальных выборах, а также иных форм волеизъявления, в том числе через выборные и иные органы местного самоуправления. Анализ фактической реализации указанных форм местного самоуправления позволяет говорить о низком уровне активности местного населения в управлении муниципальным образованием, а с учетом типологии Л. Милбраса политическая активность не выходит за рамки «зрительской», из состава которой проявляются лишь голосование и попытки «уговорить других голосовать определенным образом» [1]. Факт принадлежности граждан к определенной общности в сочетании с условиями проживания влияет наибольшим образом на специфику политических предпочтений. Так, например, в населенных пунктах меньшего размера уровень социальной настроенности жителей существенно ниже, чем у жителей крупных населенных пунктов. В то же время заметно снижается частота позитивных ожиданий от деятельности местной власти жителей небольших поселений и возрастает частота ожиданий решений местных проблем центральной властью [2, с. 60–67].

The article covers the process of local identification in municipal units as a necessary condition of local government institute operation, local identity as a process of self-identification with domicile, and political activity as a local identity factor. The researches are based on the materials of the Zabaykalye Territory municipal units.

Key words: local identity, political activity, municipal management, municipality.

Политическая активность — деятельность социальных групп или граждан, связанная со стремлением принять участие в политической жизни страны (региона), улучшить или изменить социально-экономический порядок. В настоящее время термин «политическая активность» употребляется довольно часто и понимается неоднозначно.

Явление политической активности как отдельного человека, так и различных социальных групп населения широко представлено в различных областях гуманитарного знания, рассматривающих представления о человеке и политике: политологии, философии, истории, социологии, политической психологии. При этом учитывается как социальная детерминация политической активности, связанная с актуальными условиями жизни, так и личностная — наличие определенных психических качеств и свойств, мотивов и ценностей, мировоззренческих позиций, социальной компетентности.

Политическая активность проявляется не только в действии — активная форма, но и в знании текущей ситуации — пассивная форма.

Активная форма политической активности выражается в членстве в партиях, участии в различных мероприятиях, митингах, активной пропаганде своей точки зрения. Данные по Забайкальскому краю на 01.07.2012 о количестве членов региональных отделений зарегистрированных на территории края партий говорят о невысоком уровне политической активности забайкальцев: в ЛДПР зарегистрировано 6441 чел., в Единой России — 13353 чел.; членами КПРФ

являются 2022 чел., у «Яблока» 808 членов, «Патриоты России» насчитывают 470 членов, «Справедливая Россия» — 3196 чел., партия «Правое дело» объединила 520 членов, Демократическая партия России — четырех, «Зеленые» — 37. Всего членами какой-либо партии являются 26851 чел., это приблизительно 3% от числа жителей Забайкальского края трудоспособного и старше трудоспособного возраста (885,2 тыс. чел. по данным территориального органа статистики на 01.01.2011).

Пассивная активность указывает на то, что избиратель интересуется ходом предвыборной гонки, знает кандидатов, их программы. При этом явка на выборы прямо пропорциональна политической активности граждан — это их участие в федеральных (60%) и муниципальных выборах (47%). Так, по данным избирательной комиссии Забайкальского края о результатах муниципальных выборов депутатов очередного созыва и глав поселений (за 2010 г.) в выборах участвуют в среднем 45–55% местного населения. Есть муниципальные районы и поселения, где явка высокая — более 80% (Агинский район), а где очень низкая — 20–30% (Улетовский район). По данным о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва от 04.12.2011, явка по краю составила 52,8%. Самая высокая явка наблюдалась в Агинском (82,3%), Могойтуйском (70,3%), Тунгиро-Олекминском (84,4%) муниципальных районах. Наиболее низкая — в Каларском, Хилокском (40,1–43,4%) муниципальных районах.

Невысокая активность участия в выборном процессе забайкальцев является типичной ситуацией для муниципальных образований России, которая не меняется с течением времени, что подтверждается результатами социологического исследования «Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем», проведенного группой ученых в 2008 г. [3, с. 13]. Согласно данным этого исследования по степени политической активности респондентов, а именно по показателю участия в выборах, из 1993 опрошенных 59,7% ответили, что принимают участие в выборах; 29,1% — не принимают участия в выборах; затруднились ответить 11,2%. Уровень ожиданий населения, связанных с выборами и другими политическими процессами, стал значительно ниже, чем в начале 90-х гг. прошлого века. Высокую явку на выборах эксперты и респонденты связывают не столько с активностью населения, сколько с работой «административного ресурса». Власти стали больше надеяться на административный ресурс и меньше откликаются на «предвыборные просьбы населения». Это понижает активность определенных групп населения. В то же время национальные проекты и другие мероприятия способствуют поддержанию стабильных позиций «Единой России» и кандидатов

«от власти». Политическая активность населения больше там, где есть актуализированные острые проблемы. Активность возрастает тогда, когда ее «раздуванием» занимаются определенные политики или бизнесмены. Стихийная политическая активность населения невелика и непродолжительна. Протестные настроения чаще выражаются в результатах выборов, в письмах и жалобах, чем в протестных акциях [3, с. 58].

Как форму политического участия людей во властных отношениях можно рассматривать местное политическое участие [4, с. 70]. Местное участие и местное политическое отчуждение в качестве значимых психологических аспектов связей с местом жительства были выделены группой исследователей в качестве важных факторов, определяющих силы местных связей, социально-эмоционального и познавательного отношения к определенной местной общности — социальной идентификации с местом проживания [5, с. 52–60]. По мнению Д. Поплина, готовность личности участвовать в делах местной общины, или вовлеченность, является основанием социальной идентификации [6, с. 19].

В настоящее время идентичность рассматривается как развивающийся и потому нечетко определенный и внутренне противоречивый конструкт [7, с. 74–82; 8; 9, с. 35–42]. Теория социальной идентичности решает задачу распознавания и категоризации субъекта, действующего в социальном пространстве, для того, чтобы строить взаимодействие с ним правильным образом.

Для объяснения территориальной идентичности как пространственной репрезентации социальной идентичности и других социальных процессов применен подход, определяемый условно как социоцентричный [10, с. 203–212]. В качестве объекта изучения выступают общественные отношения, отражающиеся в пространстве, а не собственно пространство. Территориальная идентичность — это переживаемое и/или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность. Она связана с установками воспринимать, интерпретировать и оценивать определенным образом социальные ситуации и события. Территориальная идентичность рассматривается на различных уровнях — это и государственная идентичность, региональная идентичность, провинциальная. Локальную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности [11, с. 61–72; 12]. Если исходить из социоцентричного подхода, то локальная идентичность как один из видов территориальной — это идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, поселка), готовность разделять практики, принятые в сообществе. Структура локальной идентичности включает не только когнитивный компонент (процесс и резуль-

тат самоопределения, понимания человеком себя в терминах соотношения с определенной социальной группой), но и аффективные и поведенческо-регулятивные компоненты — от чувства любви к «малой родине» до обязательства совершать поступки, вытекающие из ценностей, разделяемых данным сообществом [13].

В региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и внутренней энергетики, «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм». В этом случае региональная идентичность связана, во-первых, с общими ценностями, с акцентом на динамике влияния культуры на формирование регионального самосознания и политические действия. Во-вторых, с установками по отношению к своему месту проживания: качество жизни, инфраструктура, образование, здравоохранение, работа, участие в общественно-политической и культурной деятельности и т. д. [14, с. 399].

Таким образом, мы можем видеть, что в зависимости от исследовательского интереса, знаний о тех или иных процессах, контекста исследований региональная идентичность может быть рассмотрена в очень широком диапазоне тем: от символического освоения пространства до региональной культуры, от ценностной основы закрепления социальной общности до использования региональной уникальности в прагматических политических целях элит. Самоидентификация, которая выражается в первую очередь в отождествлении себя с общностью, — это субъективная равнодействующая, основанная на объективно существующих идентификациях с признаками данной общности. Это относится к любой из составляющих социальной идентичности, особенно региональной и локальной [15].

Для оценки уровня локальной идентификации были использованы ответы о наличии перспектив для данного муниципального образования и о желании/нежелании респондентов того, чтобы их дети и внуки жили в данном поселении. Значимых связей между показателями длительности проживания, факта рождения с идентификацией как «местного» нами не выявлено. Кроме того, эта оценка взаимодействует с оценкой деятельности местных органов власти. Уверены в наличии перспектив для своего муниципального образования 21,1% опрошенных, с надеждой смотрят в будущее 42,3%, сомневаются в перспективах развития 31,0%, однозначно не видят перспектив лишь 1,4%.

Респондентов, которые хотели бы, чтобы их дети и внуки жили здесь независимо ни от чего, 8,5%; тех, кто несмотря ни на что не хотел бы, чтобы на малой родине жили дети и внуки — 31,0%; хотели бы, чтобы здесь остались дети и внуки, если будут созданы для этого возможности, 16,9% жителей; затруднились ответить 40,8%.

Нами установлена определенная взаимосвязь между показателями локальной идентификации и оценкой

деятельности местных администраций. Респонденты, которые высоко оценили усилия власти, хотят, чтобы здесь остались жить дети и внуки, если для этого будут возможности, и с надеждой говорят о перспективах муниципального образования. Люди, которые считают, что местные власти делают то, что им кажется необходимым и не учитывают мнение жителей, находятся ближе к варианту «наверное, нет» перспектив у поселения и представляют среднее значение между ответом «хотелось бы, чтобы дети и внуки здесь жили, если будут для этого возможности» и ответом «нет, несмотря ни на что».

Те, кто сказал, что местные чиновники делают вид, что работают, ответили, что перспектив у поселения, скорее всего, нет, но при создании условий все же хотят, чтобы следующие поколения жили на малой родине.

Те, кто не сумел оценить деятельность местной администрации, также затруднились с ответом о желании того, чтобы дети и внуки жили рядом, но с надеждой смотрят в будущее, говоря о перспективах для своего населенного пункта.

Определяя взаимосвязь между характеристиками политического участия и локальной идентичности, мы установили корреляционную зависимость между показателем желания, чтобы на малой родине жили дети и внуки, и оценкой деятельности местных властей (коэффициент Пирсона = 0,036); между оценкой деятельности местных властей и оценкой перспектив развития поселения (коэффициент Пирсона 0,029).

Однако вместо того, чтобы решать многие проблемы на основе самоорганизации, внедрять инновационные социальные практики, обеспечивать личным включением улучшение жизни на конкретных территориях, жители чаще склонны перекладывать всю ответственность на органы власти (в частности муниципальные). Работу администраций муниципальных образований население оценивает следующим образом: 15,5% ответили, что чиновники делают все от них зависящее; 29,6% — делают то, что им кажется необходимым, не учитывая мнения людей; 39,4% — делают вид, что работают; 2,8% высказали мнение, что ничего не делают; 12,7% затруднились с ответом [16, с. 85–87]. Ответы на поставленные вопросы дифференцируются в зависимости от возраста. Более строгими в оценке деятельности администраций оказались молодые люди до 30 лет. Более лояльными — респонденты старше 50 лет. Возможно, это связано с высокими социальными ожиданиями молодых людей, которым необходима уверенность в завтрашнем дне.

Для оценки политического участия/отчуждения жителей муниципальных образований Забайкальского края были проанализированы ответы на следующие вопросы в анкетах: Принимаете ли Вы участие в выборах депутатов, главы поселения? Есть ли у Вас кандидатура для выборов главы поселения? Как Вы оцениваете информацию о кандидатах? Как Вы оце-

ниваете информацию о результатах выборов? Как Вы оцениваете работу местной администрации?

По результатам пилотного исследования нескольких муниципальных образований в апреле-мае 2011 г. были выявлены следующие показатели.

Информационное обеспечение выборов жители муниципальных образований оценили как неудовлетворительное. Сведения о кандидатах иногда узнавали только на избирательном участке (те, кто участвовал в выборах). Результаты также не являются доступной информацией. Конечно, на сайте избирательной комиссии Забайкальского края любой желающий может ознакомиться с организацией, проведением и некоторыми результатами муниципальных выборов, но для этого как минимум нужно желание, компьютер и выход в Интернет.

Развитие местного самоуправления как института гражданского общества немыслимо без расширения рамок политической конкуренции на местном уровне, прежде всего партийной (и внутрипартийной) конкуренции. Политические партии (в идеале) должны выступать в качестве своего рода медиатора между гражданским обществом и государством, обеспечивать обратную связь с гражданскими институтами (будь то неправительственные организации или местное самоуправление).

По данным от 16.12. 2011 об организации и проведении выборов органов местного самоуправления на территории Забайкальского края 04.12.2011 на 117 подлежащих замещению должностей глав муниципальных образований было выдвинуто 438 кандидатов: 300 (68,5%) — в порядке самовыдвижения, 115 (26,3%) — от избирательного объединения «Единая Россия», 9 (2,1%) — КПРФ, 3 (0,7%) — ЛДПР, 3 (0,7%) — «Справедливая Россия».

На 2693 подлежащих замещению депутатских мандата было выдвинуто 4472 кандидата, из них: 1575 (35,2%) — в порядке самовыдвижения; 2666 (59,6%) — «Единая Россия»; 189 (4,2%) — КПРФ; 29 (0,6%) — ЛДПР; 13 (0,3%) — «Справедливая Россия».

Фактически из 103 избранных глав муниципальных образований 64 (62,1%) — от «Единой России», 1 (0,9%) — КПРФ, 38 (36,9%) — самовыдвиженцы.

Соотношение кандидатов и выигравших выборы меняется. В выборе депутатов у партийных объединений уже на этапе выдвижения кандидатов преимущество, которое они реализовали. 70,9% полученных мандатов у «Единой России», 4,3% — КПРФ, 0,5% — ЛДПР, 0,1% — у «Справедливой России», 24% — у самовыдвиженцев.

Доля кандидатов на замещение должностей глав муниципальных образований, выдвинутых в порядке самовыдвижения, достаточно высокая — 68,5%, а победивших в выборах среди них 36,9% (из 103 только 38). В этом случае победившая партия (64 из 115 кандидатов) выражает консолидированную волю своих членов и единомышленников.

Результатом муниципальных выборов все-таки должно быть выражение воли местных жителей. Казалось бы, выбирают сами жители, кандидаты из своих, местных, будь то самовыдвиженец или кандидат от партии. Но вот какую политику будет проводить избранный глава, чьи интересы представлять, на наш взгляд, зависит от его политических убеждений и членства в партии. Возможно, проигравшие кандидаты-самовыдвиженцы перед следующими выборами вступят в партию, чтобы снизить риск проигрыша.

По результатам опроса только 11,3% респондентов — жителей муниципальных образований могут предложить кандидатуру на пост главы поселения, нет кандидатов у 45,1% опрошенных. Затруднились ответить на вопрос «Есть ли у Вас кандидатура на пост главы поселения?» 43,7%.

Результаты исследования позволяют говорить, что в муниципальных образованиях Забайкальского края невысокий уровень локальной идентификации. Это отражается в показателях уровня политической активности: низким процентом участия в выборных кампаниях, вовлеченности в партийное движение, готовности выдвигать и предлагать кандидатуры в местные органы власти.

Социально-идентификационные процессы лежат в основе формирования более или менее устойчивых социальных интересов, т. е. являются механизмами создания гражданского общества. Региональная идентичность обусловлена любовью к месту обитания, пейзажу, оригинальностью архитектуры и удобствами быта. Это совокупность пространственно выраженных, в конечном счете, социально-культурных отношений, связанных с понятием «малая родина». Региональная идентичность характеризует тонус, стиль, уклад, «внутреннюю энергетику» местной жизни. В случае России изучение региональной идентичности означает особый акцент на самоорганизацию локально-территориальных общностей, местный патриотизм, развитие с помощью своих сил, не надеясь особо на государственное вмешательство. Если энергия — это способность совершать работу, то региональная идентичность — это способность к социокультурной, гражданской, политической и экономической активности [17, с. 212–214]. Только осознание жителями муниципальных образований общности интересов поселений, своей идентичности с другими индивидами, обладающими аналогичными социальными признаками, с территорией проживания; готовность в той или иной форме поддерживать «свою» социально-территориальную общность, принимать участие в управлении происходящими процессами и, в конечном счете, активно отстаивать групповые интересы, рассматривая их как выражение своих собственных, наполняет институты гражданского общества (местное самоуправление, муниципальное управление) необходимой им жизненной силой.

Библиографический список

1. Политическое поведение [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126694:article#> Политическое поведение, политическая деятельность, политическое участие и политическая активность: взаимодействие между понятиями (дата обращения 16.08.2012).
2. Кулешова И. Н., Минников В. К. Политическая активность граждан: теория и практика прогнозирования // Без темы. — 2007. — №3 (5).
3. Разворотнева С. В., Воробьев В. В., Парфенов В. Г., Разворотнев С. Д., Тюриков А. Г. Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем: аналитический отчет. — М., 2008.
4. Голев С. В. Политическая психология : словарь-справочник. — Херсон, 2004.
5. Драганова М., Староста П., Столбов В. Социальная идентификация жителей сельских поселений и малых городов Восточной Европы // Социологические исследования. — 2002.
6. Poplin D. E. Communities. A Survey of Theories and Methods of Research (2nd ed.). — N. Y., 1979.
7. Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологический журнал. — 1995. — № 6.
8. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 2006.
9. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — № 1.
10. Замятина Н. Ю. Территориальная идентификация: типы формирования и образы территорий: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). — М., 2011.
11. Колосов В. А. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края // Полис. — 2001. — № 2.
12. Шматко Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. — 1998. — № 4.
13. Подольская Е. А. Ценностные ориентации и проблема активности личности. — Харьков, 1991.
14. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. — М., 2003.
15. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. — 2011. — № 3.
16. Гордеева Т. Н. Социальная идентификация жителей муниципальных образований Забайкальского края // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://teoria-practica.ru/-2-2012/sociology/gordeeva.pdf>
17. Крылов М. П. К теории региональной идентичности (по материалам Европейской России): сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). — М., 2011.